

≈ 22 мин

Нотто: на языке суахили значит «власть слова»

Мобилизация народных масс, когда она осуществляется в рамках войны за освобождение, порождает в сознании каждого человека идею общего дела, судьбы нации и коллективной истории. Присутствие этого «цемента», замешанного на крови и гнев, помогает и на второй стадии, т. е. стадии формирования нации.

«Черные пантеры» всегда предпочитали действие пустой болтовне. В то же время нельзя сказать, что язык, сила слова в философском смысле недооценивается в нашей идеологии. Мы признаем значение слова в борьбе за освобождение, причем слова, звучащего не только в средствах массовой информации и в беседах с жителями квартала. Существует еще одна важнейшая задача, при решении которой необходимо искать подходящие слова, — это пробуждение сознания людей. Слова служат еще одним способом определения явлений, а определение любого явления — это первый шаг к установлению контроля над данным явлением или шаг в другую сторону, где ты сам попадаешь под контроль явления.

Когда я читал «Волю к власти» Ницше, его философские прозрения помогли мне узнать много нового. Я не хочу сказать, что поддерживаю все идеи Ницше. Просто отмечаю, что многие из его идей повлияли на мое мышление. Этот философ писал о вещах, которые имеют основополагающее значение для всех людей, в частности о смысле власти. Поэтому некоторые его представления уместно приложить к образу жизни, который приходится вести неграм,

живущим в Америке. Эти идеи Ницше оказали огромное влияние на формирование философских взглядов «Черных пантер».

Ницше считал, что воля к власти стоит выше добра и зла. Другими словами, добро и зло служат своего рода ярлыками для определения явлений, т. е. все явления получают ценностную оценку. За ценностной оценкой стоит воля к власти. Она-то и заставляет человека рассматривать то или иное явление как доброе или злое. На самом деле наше понимание контролирует воля к власти, а не врожденные добрые или злые качества.

Человек пытается определить явления таким образом, чтобы они отражали интересы его класса или какой-либо группы, к которой он принадлежит. Он дает явлениям названия или ценностную оценку в зависимости от своих представлений о том, что ему выгодно. Если явление может принести человеку пользу, то оно будет отнесено к числу добрых в общем смысле, в противном случае оно становится злом. Ницше показывает, как такую логику использовал господствующий класс в Германии. К примеру, немецкое слово «gut», которое переводится как «божественный» или «хороший», использовалось по отношению к самому господствующему классу; знать, дворяне, определялись словом «gut». С другой стороны, слово «villein» употреблялось по отношению к беднякам и крепостным крестьянам, жившим по ту сторону высоких ворот феодальных замков. И это слово обозначало противоположную характеристику. Как говорилось, бедняки жили в «village» (деревня), а это слово имеет одинаковый корень (от лат. villa) со словом «villain» (злодей, негодяй и одновременно — крепостной). Итак, пользуясь своей властью, господствующий класс определил себя как «божественного», а простой народ назвал

«злодеями», или своими врагами. Не приходится говорить о том, что, усвоив такие идеи, бедняки и простой народ почувствовали себя низшими, подчиненными существами, ощутили чувство вины и стыда, а феодалы утвердили свое превосходство без всяких доказательств. Так язык оформил мысль.

Похожую картину мы можем наблюдать и в Соединенных Штатах. За какое-то время прилагательное «черный» стало в американском языке очень эффективным словом, причем уничижительным в каждом своем значении. Нас заставили чувствовать себя пристыженными и виноватыми из-за наших биологических признаков, в то время как благодаря белому цвету кожи наши угнетатели ощущали себя аристократами и ставили себя выше нас. Однако за последние несколько лет (и на это ушло всего лишь несколько лет) повышение уровня самосознания в негритянских общинах привело нас к тому, чтобы по-новому определить самих себя. Те, кто раньше сгорал от стыда, если слышал, как его называли черным, теперь с удовольствием принимает это определение, а наша биологическая характеристика теперь вызывает у нас гордость. Сегодня мы сами называем себя черными и носим естественные для наших волос прически, потому что мы наполнили новым смыслом слово «черный». Вот он, пример того, как работает теория Ницше, который говорил, что за добром и злом стоит воля к власти.

Когда партия «Черных пантер» делала первые шаги, мы пытались найти способы поставить теорию Ницше на службу интересам чернокожих. Можно было использовать нужные слова не только для того, чтобы укрепить гордость негров за самих себя, но и для того, чтобы посеять сомнения у белых и даже

заставить их отказаться от представлений, которые они всегда принимали автоматически, не задумываясь. Прежде всего, нам было необходимо найти замену слову «полицейский». Нам требовалось хорошее наглядное слово, которое бы приняла и стала использовать община. Это слово должно было не только поднять самосознание чернокожих на новый уровень, но и помочь нам контролировать полицию, заставив полицейских воспринимать себя в другом ключе.

Мы занялись подбором эквивалента слову «полицейский». Поначалу я предположил, что подойдет обратное прочтение слова «god» (Бог) — «dog» (собака), но слово «собака» что-то не пошло. Мы пробовали слова «зверюга», «скотина» и «животное», но ни одно из них не передавало суть того, что мы хотели сказать о полицейских. Однажды, когда мы работали над газетой, Элдридж показал нам открытку от Беверли Аксельрод. На внешней стороне открытки был написан призыв «Поддержи свою местную полицию». Над этой фразой поместили шерифскую звезду, а в центре звезды была изображена оскалившаяся и пускающая слюни свинья. Это было то, что нужно. На своих карикатурах мы начали рисовать полицейских в виде свиней и время от времени употребляли само слово. Слово «свинья» стало нашей удачей и вошло в обиход.

Это было формой психологической войны: с одной стороны, мы пробуждали самосознание людей, а с другой — добивались того, что наше новое сознание начинало действовать на правящие круги. Если бы удалось поймать белых и полицию в ловушку при помощи нового сознания, то вскоре они бы покинули своих и присоединились к нам, чтобы избавиться от чувства вины и стыда.

Ницше указал, что такого рода тактика была использована первыми христианами против римлян. Поначалу христиане были слабы, но они знали, как заставить философию слабой группы работать на них. Вводя в оборот фразы типа «кроткие унаследуют землю», христиане внедряли в сознание римлян новую идею, которая заставляла тех сомневаться и впоследствии принимать новую веру. Стоило христианам однажды заявить, что кроткие унаследуют землю и привлекут на свою сторону остальных, как власть имущие стали терять свою силу. И христианам была суждена победа. Людям нравится быть на стороне победителей. Мы видим, как в нашей стране тот же принцип действует в студенческих кампусах. Сейчас многие представители белой молодежи отождествляют себя с неграми; их новая самоидентификация проявляется в одежде, речи и образе жизни.

Таким образом, хотя мы и пришли к слову «свинья» довольно случайно, все-таки наш выбор сам по себе был просчитан. Это слово отлично нам подходило по нескольким причинам. Прежде всего, все синонимы к слову «свинья» («swine», «hog», «sow») несут в себе неприятный оттенок. Возможно, объяснение данному факту имеет религиозные корни, поскольку у семитов свинья считается грязным животным. В английском языке слово «свинья» вошло во многие сочетания. Мы говорим, что кто-то ест, как свинья, можем назвать кого-то грязной свиньей и т. п. В своем романе «Портрет художника в юности» Джеймс Джойс использует слово «свинья» для создания образа Ирландии как чего-то разрушающего, пожирающего. Джойс называет Ирландию «старой свиньей, съедающей своих поросят». Как видим, слово «свинья» обычно ассоциируется с гротескными качествами.

Посмотрите на свинью. Это же уродливое и противное животное. Свинья обожает копаться в грязи, она производит ужасный шум и не питает желания идти на контакт с человеком, как это делают другие животные. Если продолжить, то любой житель в негритянской общине неплохо представляет себе свинью, потому что большинство из нас имеет сельское происхождение, другими словами, у нас была возможность наблюдать за поведением свиней. Что касается полицейских, то многие из них тоже приехали с Юга и свинья им не в диковинку. Они точно знают, что подразумевается под словом «свинья». Если полицейского обзывают свиньей, то хотят этим сказать, что он жестокий, грубый и неряшливый.

В пользу слова «свинья» говорит еще один факт: с расовой точки зрения, оно имеет нейтральный характер. Белая молодежь из кампусов начала понимать, что такое полиция на самом деле, когда полицейские открыто разбивали им головы во время демонстраций протеста против призыва в армию и войны во Вьетнаме. После этого слово «свинья» стало еще более употребительным; оно сплачивает жертв перед лицом угнетателей. И хотя белые ребята не настолько страдают, как мы, тем не менее, они стали нашими союзниками в борьбе с полицией. В этом случае правящие круги теряют способность восстановить одних жертв против других, как делали это расисты в южных штатах, настраивая белых бедняков против негров.

Но самая большая наша победа заключалась в том эффекте, который слово «свинья» произвело на полицейских. Им очень не понравилось, когда их стали обзывать свиньями, они и сейчас этого не переносят. Как только за ними закрепилось новое «прозвище», полицейские провели кампанию в свою защиту

с использованием лозунгов наподобие «Свиньи прекрасны», да еще нацепляли на себя значки в виде свинок. Но эти усилия пошли прахом. Мы хотим сказать, что, если полицейские не хотят быть свиньями, то они должны прекратить жестоко обходиться со всеми несчастными в мире. Никакие лозунги не изменят мнения людей. Здесь может помочь лишь изменение в поведении.

Была еще одна фраза, способствовавшая пробуждению самосознания чернокожих, — «Вся власть народу». Этот призыв затрагивает несколько областей, и политику, и экономику, и метафизику. Мы пришли к нему примерно в то же время, когда внедряли в массы слово «свинья» как эквивалент слову «полицейский». Наш лозунг «Вся власть народу» тоже получил широкое признание. Когда мы задумывали его, через него я пытался задать некие четкие философские цели для общины, которых многие просто не поняли. Полиция и пресса хотели создать у людей мнение, что наша партия была всего-навсего группой «молодых бандитов», расхаживавших по улицам с пистолетами, чтобы запугивать окружающих. Но у нас с Бобби всегда было ясное понимание того, чего мы хотим добиться. Мы намеревались представить общине широкий и разнообразный набор необходимых программ, и мы начали действовать таким образом, чтобы сразу получить поддержку общины. В то же время мы осознавали необходимость идти вперед. Налаживая публикацию газеты, мы как раз работали на долгосрочные цели. В свою очередь наши далеко идущие планы подразумевали организацию общины вокруг программ, в которые люди должны были очень сильно поверить. Мы надеялись на то, что наши программы приобретут такую значимость для общины, что люди действительно возьмутся за оружие, чтобы защищаться от любых действий угнетателя.

Все эти программы преследовали одну цель — установление полного контроля над всеми социально-политическими институтами, существовавшими в общине. Каждая этническая группа имеет свои особенные нужды и интересы, которые она представляет и понимает лучше, чем кто-либо другой. Каждая группа лучше всего судит о том, как ее собственные институты должны влиять на жизнь членов этой группы. В американской истории есть примеры того, как этнические группы, скажем, ирландцы и итальянцы, создавали организации и институты в своих общинах. Получив в распоряжение средства политического контроля, они стали обладать реальной властью для решения своих проблем. Правда, в нашем случае есть еще одна вещь, которую необходимо сделать. Контроль над нашими институтами как таковой не решит наши проблемы автоматически. Во-первых, в общине трудно создать такое количество рабочих мест, при котором бы обеспечивалась полная занятость для чернокожих. Самым важным моментом в установлении контроля над институтами в нашей общине станет организация жителей в кооперативы, и с их помощью будет положен конец всем формам эксплуатации. Вся прибыль, или прибавочный продукт, полученная от таких кооперативов, будет возвращаться общине. За счет этих излишков будут расширяться возможности на всех уровнях, а жизнь — обогащаться. Кроме того, у нас имеется конечная цель. Она состоит в том, чтобы наладить сотрудничество между различными этническими общинами, добиться того, чтобы они помогали друг другу, а не соперничали. В этом смысле все общины будут связаны общей целью. Их также будут связывать основные социальные, экономические и политические институты, действующие в стране. Таковы наши планы на будущее. Хотя мы еще далеки от того, чтобы воплотить их в жизнь, все-таки важно, чтобы люди понимали, чего мы хотим для них добиться, и представляли свои естественные права. Таким образом, выдвинутый

нами лозунг «Вся власть народу» суммирует то, что мы хотим сделать для чернокожих, равно как нашу глубочайшую любовь и преданность по отношению к ним. Вся власть исходит от народа, и, в конечном счете, она должна возвращаться к нему. Все остальное будет кражей.

Наша непоколебимая вера в свой народ основывается на наших предположениях касательно того, что ему нужно и чего он заслуживает. На первом месте здесь стоит честность. Когда стало очевидно, что «Черные пантеры» набирают силу, нашлись люди, которые стали убеждать нас либо скорректировать нашу позицию для получения мелких выгод, либо полностью перейти на политику «черной линии», основанную исключительно на расовом подходе, нежели чем экономической или социальной стратегии. Эти люди вели разговор о «черной игре», в которую они на самом деле не верили. Зато они подметили веру людей в нее и учли, что «черная линия» могла бы помочь мобилизовать народ. Мы отказались от таких предложений. С нашей точки зрения, обманывать людей — это неправильно и к тому же это напрасная трата сил, ведь, в конце концов, мы должны будем держать ответ перед ними.

В метафизическом смысле наш лозунг «Вся власть народу» основывается на представлениях о человеке как о Боге. У меня нет другого Бога, кроме человека, и я твердо верю в то, что человек является величайшим и главным сосудом добра на земле. Если ты обязался быть искренним и честным со всеми, значит, ты дал это обещание перед Богом, а если каждый человек богоподобен, следовательно, ты должен быть искренен именно с ним. Если ты веришь в то, что человек — наивысшее существо на планете, то ты будешь действовать исходя из своей веры. Твоя позиция и поведение по отношению к человеку — это своего рода религия, причем религия, требующая огромной

ответственности.

Я увлекаюсь изучением иудейско-христианской идеи Бога, и это имеет для меня большое значение, поскольку, если смотреть с исторической точки зрения, эта идея оказала чрезвычайное влияние на жизнь негров в Америке. Принятие ими веры в иудейско-христианского Бога означало подчинение и привело к формированию устойчивого представления о том, что в загробном мире они получают награду за все страдания, которые выпали в их реальной жизни. Христианство ведь начиналось как религия отверженных и угнетенных. Если первым христианам удалось подорвать власть их правителей и доверие к ним, а также выбраться из рабского состояния, то с чернокожими все обстояло с точностью до наоборот. Когда они были уже рабами, им было навязано еще и христианство, в связи с чем на их плечи легло дополнительное бремя, эдакая тирания будущего — надежда на счастливую жизнь на небесах и страх перед адом. Христианство только усилило у них ощущение безнадежности. Идея спасения и счастья отодвинулась на дальний план, точнее, стала связываться исключительно с миром иным, где Бог вознаградит негров за все перенесенные ими на земле мучения. Правосудие свершится позже, на земле обетованной.

Лозунг «Вся власть народу» был призван изменить такое отношение к жизни, убедить чернокожих в том, что вознаграждение они должны получать в настоящем, что им вполне по силам создать землю обетованную здесь и сейчас. «Черные пантеры» никогда не собирались совсем отваживать негров от религии. Мы всего лишь хотим подтолкнуть их к изменению самосознания и к тому, чтобы они поменьше ориентировались на представление о Боге, принятое у белых людей. Это Бог угнетенных, слабых и не заслуживающих чего-то. Мы

хотим, чтобы наши братья воспринимали себя в качестве призванных, избранных и достойнейших.

Еще до того, как мы сформулировали лозунг «Вся власть народу», я долго размышлял об идее Бога. Меня не устраивала библейская версия; в Священном писании встречается слишком много противоречий и иррациональных моментов. Либо ты принимаешь все это и веришь, либо не соглашаешься и не веришь. Я не мог верить. Я пришел к собственному пониманию Бога другим путем — через философию, логику и семантику. По-моему, понятие Бога связано со множеством различных идей, и само существование этого понятия зависит от человека. Если Бог не существует до тех пор, пока не появится человек, то, должно быть, человек послан на землю, чтобы создать Бога. Отсюда логически вытекает, что человек создал Бога, а если считать, что создатель величественней своего творения, то мы должны признать, что человек — это высшее благо.

Я понимаю причины, по которым человек чувствует необходимость создать Бога. Особенно эти причины очевидны на начальном этапе исторического развития человеческого общества, ведь в ту пору окружающий мир воспринимался отнюдь не с научной точки зрения. Явления, которые мог наблюдать человек, иногда ошеломяли и потрясли его до глубины души, при этом он был еще не способен найти объяснения для них. Поэтому он создал у себя в сознании нечто, что было «могущественней» непонятных ему явлений, и это нечто несло ответственность за все загадки природы. Но я думаю, что если человек слишком сильно уповает на Бога, созданного им самим и помещенного на небеса, то на самом деле он ограничивает себя и свой собственный

потенциал. Чем больше он приписывает Богу, тем сильнее он ощущает свое подчиненное состояние, тем меньше ответственности берет за свою судьбу. Человек говорит, обращаясь к Богу: «Я слаб, но Ты можешь все». И после этого человек принимает вещи так, как они есть, и он доволен тем, что оставил управление миром сверхъестественной силе, могущественней его. Такая позиция несет в себе какой-то фатализм, враждебный всякому росту и переменам. С другой стороны, чем сильнее становится человек, тем слабее его Бог.

Все вышесказанное совсем не означает, что я совершенно не принимаю многие прекрасные и восхитительные вещи, связанные с религией. Когда я говорю о некоторых аспектах общественного устройства с чернокожими, использование религиозной лексики для меня естественно, и реакция слушателей очень искренна. Я также часто читаю Библию и не только из-за ее поэтичности, но и потому, что нахожу там много мудрости и прозрений. И все-таки мне кажется, что большая часть Священного писания приходится на безумные вещи. Я не могу согласиться, например, с понятием божественного закона и ответственности перед «Богом». Я считаю, что, если люди в принципе ответственные существа, то они должны быть ответственны друг перед другом. Поэтому, когда мы говорим «Вся власть народу», мы хотим передать свое глубокое уважение и любовь по отношению к людям, а также идею того, что люди заслуживают всей правды и честного к себе отношения. Суд истории — это суд людей. В этой идее заключается мотивация самого нашего существования и контроль над ним.

Глава из книги **Хьюи П. Ньютон** Революционное самоубийство

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.